

Рахмедова Гулият Атамырадовна

магистрант

Научный руководитель

Хабибуллина Альбина Шамильевна

канд. юрид. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

г. Казань, Республика Татарстан

СУБЪЕКТЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация:** в статье представлен системный анализ субъектов антикоррупционной деятельности РФ в условиях институционального усложнения системы противодействия коррупции. Выявлены проблемы дублирования полномочий, фрагментарности правового регулирования, снижения управленческой эффективности из-за отсутствия координации. Разработана классификация субъектов по институциональным и функциональным основаниям. Обоснован вывод о трансформации многообразия субъектов из ресурса в фактор институциональной дезорганизации. Предложены меры совершенствования взаимодействия и критериев оценки эффективности антикоррупционной политики.*

***Ключевые слова:** коррупция, антикоррупционная деятельность, антикоррупционная политика, субъекты антикоррупционной деятельности, государственные органы, институты гражданского общества, антикоррупционная экспертиза, эффективность противодействия коррупции.*

Современная система субъектов антикоррупционной деятельности в Российской Федерации характеризуется высокой степенью институциональной разветвлённости, что, с одной стороны, отражает комплексный характер антикоррупционной политики, а с другой – порождает существенные проблемы координации, разграничения полномочий и ответственности. Как справедливо отмечается в научной литературе, антикоррупционная политика не может быть сведена исключительно к деятельности правоохранительных органов, поскольку

ку она представляет собой многоуровневую систему управленческого воздействия, включающую политические, правовые, организационные, контрольные и общественные механизмы. В этой связи особое значение приобретает анализ субъектного состава антикоррупционной деятельности как ключевого структурного элемента всей системы противодействия коррупции.

В доктрине антикоррупционного права обоснованно подчеркивается, что государство выступает центральным и системообразующим субъектом антикоррупционной деятельности, поскольку именно оно формирует нормативную основу, определяет стратегические приоритеты и обеспечивает применение мер юридической ответственности. При этом внутри государственного механизма наблюдается сложная иерархия субъектов, различающихся по уровню компетенции и функциональному назначению.

Так, Президент Российской Федерации выполняет роль надсистемного субъекта антикоррупционной политики, определяющего ее концептуальные и идеологические ориентиры, что подтверждается созданием и функционированием Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции и утверждением национальных планов и стратегий. Данный уровень субъектности носит преимущественно директивно-политический характер и задает рамки деятельности всех иных участников антикоррупционной системы.

Законодательные органы, прежде всего, Федеральное Собрание Российской Федерации, реализуют антикоррупционную функцию посредством правотворческой деятельности, формируя нормативные условия для профилактики и пресечения коррупции. Однако, как отмечают исследователи, формальное воспроизведение федеральных норм на региональном уровне без учета специфики субъектов Федерации приводит к дублированию правовых предписаний и снижению их регулятивного потенциала. Более того, чрезмерная детализация антикоррупционных требований при отсутствии эффективных механизмов реализации способствует формализации антикоррупционной деятельности и превращению ее в отчетно-бюрократическую процедуру, не оказывающую существенного влияния на уровень коррупционных рисков.

Исполнительные органы государственной власти и правоохранительные структуры занимают центральное место в практической реализации антикоррупционной политики. Органы прокуратуры, Следственный комитет, органы внутренних дел и органы безопасности наделены полномочиями по выявлению, расследованию и пресечению коррупционных правонарушений. Вместе с тем в научных исследованиях последовательно подчеркивается, что доминирование карательно-репрессивного подхода в деятельности данных субъектов не обеспечивает устойчивого снижения коррупции, поскольку не затрагивает ее институциональные и социокультурные причины. Показательно, что рост статистических показателей выявленных коррупционных преступлений нередко используется как индикатор эффективности, хотя сам по себе он может свидетельствовать лишь об усилении контрольной активности, но не о реальном снижении коррупциогенности управленческой среды.

Особого внимания заслуживает проблема функционального дублирования полномочий между различными субъектами антикоррупционной деятельности. Как указывают И. Бикеев и П. Кабанов, отсутствие четкого нормативного разграничения компетенций региональных антикоррупционных органов и комиссий по координации работы по противодействию коррупции создает риск размывания ответственности и избирательности правоприменения. В отдельных случаях антикоррупционные структуры фактически трансформируются в квази-контрольные органы с неопределенным статусом, что само по себе может порождать новые коррупционные угрозы.

Не менее значимым элементом субъектного состава антикоррупционной деятельности являются органы и структуры, осуществляющие контрольные, экспертные и аналитические функции. В этой связи особую роль играет антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов. Однако, как доказывает А.В. Нестеров, в практике антикоррупционной деятельности наблюдается концептуальная подмена понятий «проверка» и «экспертиза», что снижает юридическую значимость соответствующих процедур. Экспертиза как процессуально оформленное исследование требует специальных знаний, мето-

дологической воспроизводимости и персональной ответственности эксперта, тогда как на практике нередко используется упрощенная форма формальной проверки, не способная выявить скрытые коррупциогенные факторы. Это обстоятельство существенно ограничивает потенциал экспертных субъектов в системе противодействия коррупции.

Существенную роль в антикоррупционной деятельности призваны играть негосударственные субъекты, прежде всего институты гражданского общества, общественные палаты, средства массовой информации и научно-экспертное сообщество. Именно они обеспечивают общественный контроль, формирование антикоррупционного правосознания и выявление латентных коррупционных практик. Однако, как отмечается в научных исследованиях, участие данных субъектов зачастую носит декларативный характер и не подкреплено реальными механизмами влияния на управленческие решения. Отсутствие обязательности учета результатов общественной экспертизы и ограниченный доступ к информации существенно снижают эффективность негосударственных акторов в антикоррупционной системе.

Дополнительным фактором, усложняющим взаимодействие субъектов антикоррупционной деятельности, является недостаточная разработанность критериев оценки эффективности их деятельности. Как подчеркивает Г.Н. Горшенков, эффективность антикоррупционной политики не может оцениваться исключительно по количественным показателям, поскольку она представляет собой интегрированное воздействие всех субъектов на причины и условия коррупции. Игнорирование качественных индикаторов, таких как уровень доверия к институтам власти, прозрачность управленческих процедур и снижение коррупционных рисков, приводит к искажению реальной картины и формированию иллюзии успешности антикоррупционных мер.

Таким образом, анализ субъектов антикоррупционной деятельности позволяет сделать вывод о наличии системного противоречия между формально широкой институциональной базой антикоррупционной политики и ограниченной эффективностью ее практической реализации. Многообразие субъектов при от-

сутствии четко выстроенных механизмов координации, ответственности и оценки результатов превращается из преимущества в фактор институциональной фрагментации. В этих условиях дальнейшее развитие антикоррупционной политики требует не столько количественного расширения круга субъектов, сколько качественного переосмысления их функций, статуса и взаимодействия в рамках единой управленческой логики.

Классификация субъектов антикоррупционной деятельности может быть осуществлена по нескольким основаниям. Одним из наиболее распространенных является деление по ветвям государственной власти: законодательные, исполнительные и судебные органы. Законодательные органы формируют нормативную базу противодействия коррупции, исполнительные органы обеспечивают реализацию антикоррупционных мер, а судебные органы осуществляют правосудие по делам коррупционной направленности.

По характеру мандата субъекты антикоррупционной деятельности подразделяются на государственные и негосударственные. К государственным субъектам относятся Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство, органы прокуратуры, Следственный комитет, органы внутренних дел и иные правоохранительные структуры. Именно они осуществляют основной объем властных полномочий в сфере противодействия коррупции.

Президент Российской Федерации занимает центральное место в системе субъектов антикоррупционной деятельности, определяя основные направления антикоррупционной политики и координируя деятельность органов государственной власти. Важную роль играет Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, обеспечивающий стратегическое и координационное сопровождение антикоррупционных мер.

Органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением законодательства о противодействии коррупции, а также участвуют в антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов. Следственный комитет и органы внутренних дел выполняют функции выявления, расследования и пресечения коррупционных преступлений. Судебные органы, в свою очередь, обеспечивают

реализацию принципа неотвратимости ответственности за коррупционные правонарушения.

К негосударственным субъектам антикоррупционной деятельности относятся институты гражданского общества, общественные палаты, средства массовой информации, научные и экспертные сообщества, а также коммерческие организации. Их роль заключается в общественном контроле, антикоррупционной экспертизе, формировании антикоррупционного правосознания и повышении прозрачности деятельности органов власти.

Отдельную группу образуют международные субъекты антикоррупционной деятельности, включая Организацию Объединенных Наций, Группу государств против коррупции (GRECO) и Организацию экономического сотрудничества и развития. Их деятельность направлена на выработку международных стандартов и мониторинг выполнения государствами принятых обязательств.

Несмотря на многообразие субъектов антикоррупционной деятельности, их взаимодействие нередко характеризуется недостаточной согласованностью и фрагментарностью. Одной из ключевых проблем является дублирование полномочий между органами исполнительной власти и правоохранительными структурами, что снижает эффективность антикоррупционных мер и создает предпосылки для ведомственного формализма.

Существенные трудности вызывает также отсутствие единых критериев оценки эффективности деятельности субъектов антикоррупционной политики. Как отмечается в научных исследованиях, формальные показатели, основанные на количестве выявленных преступлений, не отражают реального уровня снижения коррупционных рисков и могут создавать иллюзию результативности.

Проблемным остается и участие институтов гражданского общества в антикоррупционной деятельности. С одной стороны, законодательство декларирует необходимость общественного контроля и независимой экспертизы, с другой – механизмы их реализации зачастую носят декларативный характер и не обеспечивают реального влияния на принятие управленческих решений.

На региональном уровне сохраняется неоднородность организационных моделей антикоррупционной деятельности, что затрудняет формирование единой вертикали антикоррупционных органов и снижает прозрачность их работы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что субъекты антикоррупционной деятельности образуют сложную и многоуровневую систему, включающую государственные, негосударственные и международные структуры. Эффективность антикоррупционной политики напрямую зависит от четкого разграничения компетенций между ее субъектами, наличия действенных механизмов координации и объективных критериев оценки результатов деятельности.

В целях повышения результативности антикоррупционной деятельности представляется целесообразным совершенствование нормативно-правового регулирования субъектного состава, усиление роли общественного контроля и развитие межведомственного взаимодействия. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой интегрированных моделей оценки эффективности антикоррупционной политики и анализом зарубежного опыта институционального противодействия коррупции.

Список литературы

1. Лелетова М.В. Субъекты антикоррупционной политики / М.В. Лелетова, Я.Г. Ищук, В.Г. Ищук // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №12. – С. 471–475.
2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 №273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – №52, ч. I. – Ст. 6228.
3. Горшенков Г.Н. Эффективность антикоррупционной политики / Г.Н. Горшенков // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – №1. – С. 5–16. EDN VOMOCL
4. Нестеров А.В. Соотношение понятий проверка и экспертиза в антикоррупционной деятельности: монография / А.В. Нестеров. – Ростов н/Д: Книга, 2003. – 352 с.

5. Бикеев И.И. О систематизации антикоррупционной работы в субъектах Российской Федерации в современных условиях / И.И. Бикеев, П.А. Кабанов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – №4. – С. 36–41. EDN UYRYBD

6. Комиссаров В.С. Уголовная политика: теория и практика: учебное пособие / В.С. Комиссаров. – М.: Юрист, 2014. – 320 с.

7. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 г. // Организация Объединенных Наций: офиц. Сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 21.01.2026).